

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### Местоимение

#### 1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Личные местоимения представлены формами 1 – 2-го лица ед. и мн. числа /в функции личных местоимений 3-го лица используются указательные местоимения/.

Личные местоимения относятся к наиболее устойчивому пласту лексики, восходящей к западнокавказскому состоянию:

адыг.	каб.	убых.	абх., абаз.
<u>сэ</u>	<u>сэ</u>	<u>сыгъуа</u>	<u>са</u> , <u>сара</u> 'я'
<u>уэ</u>	<u>уэ</u>	<u>уыгъуа</u>	<u>уа</u> , <u>уара</u> ба, бара 'ты'
<u>тэ</u>	<u>дэ</u>	<u>шыгъуа</u>	<u>хъа</u> , <u>хъара</u> 'мы'
<u>шъуэ</u>	<u>фэ</u>	<u>шьуыгъуа</u>	<u>шуа</u> , <u>шуара</u> 'вы'

В речи батумских абхазов встречаются формы сар, уар, бар, хъар, шуар и др. /Килба, 1983, 41/.

В адыгских языках элемент -р/ы/ в личных местоимениях отмечается в ряде словоизменительных и словообразовательных форм: адыг., каб. сэ-р-ч1э 'мною', уэ-р-ч1э 'тобою'; адыг. сэ-ры, каб. сэ-р-шь 'я есмь', каб. сэ-р шъхъэ1э 'для /ради/ меня', адыг. сэр-сэрэу, каб. сэр-сэрыу 'я сам', каб. сэ-р дыдэр 'именно я'.

Принято считать, что односложность адыгских личных местоимений – результат вторичных процессов, тогда как абхазский, абазинский и убыхский сохраняют архаичную /двусложную/ форму с -ра, -гъуа. При этом абх., абаз. -ра, каб. -р/ы/, убых. -гъуэ рассматриваются как генетически

родственные суффиксальные элементы /Ломтатидзе, 1958/. При-  
знавая за этой традиционной точкой зрения по вопросу об исто-  
рии сложения личных местоимений право на существование  
/ее разделяют все специалисты данной группы языков/, отме-  
тим следующее.

Положение об исходности двусложных форм типа абх.,  
абаз. сара, убых. сыгъуа 'я' по сравнению с односложными  
формами типа адыг., каб. сэ 'я' основывается на данных  
внешней реконструкции. В порядке гипотезы можно выдвинуть  
другое положение, опираясь при этом и на данные внутренней  
и типологической реконструкции.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятель-  
ство, что в убыхских личных местоимениях элемент -гъуэ и  
в абхазско-абазинских личных и классных местоимениях эле-  
мент -ра невозможно генетически отделить от соответствую-  
щих формантов -гъуа, -ра в убых. а-гъуа 'тот сам' и абх.  
а-ра 'тут, здесь'.

В а-гъуа и а-ра выделяется общеабхазско-адыгская дей-  
ктическая основа а-, сохранившаяся в исходной функции в  
адыгских языках, ср. адыг., каб. а 'этот'. Присоединение  
к этой дейктической основе -гъуа в убых. а-гъуа и -ра в  
абх. а-ра явно вторично. То же, по-видимому, следует ска-  
зать о личных местоимениях, включающих разбираемые эле-  
менты: убых. -гъуа, абх., абаз. -ра. Иными словами, можно  
предположить, что местоимения типа убых. сы-гъуа, абх.,  
абаз. са-ра 'я' также образованы /как и убых. а-гъуа, абх.  
а-ра/ путем осложнения определительным -ра исходных место-  
именных основ типа са 'я', уа 'ты', сохранившихся /как  
и указательное местоимение а 'этот'/ в исходной /однослож-  
ной/ форме в адыгских языках.

Тот факт, что формы типа сара, уара в отличие от форм  
типа са, уа выражают не исходное, т.е. не общее /родовое/  
значение, а определительную функцию личных местоимений  
/сара 'я именно', уара 'ты именно'/ подтверждает и вторич-  
ность их образования путем присоединения к первичным  
/кратким/ местоимениям определительного элемента. Ср.  
абаз. йара дг1айыд 'он сам/именно он/приходит' /Генко,

1955, 96/. О семантических различиях между формами типа сара и са писал Ж.Дюмезиль /Dumezil, 1932, 106/. Личные местоимения в исходной форме не выражали определительной /детерминативной/ функции, а указывали лишь на лицо, как это характерно и ныне для адыгских языков. Выделительная, определительная функция личных местоимений /сара 'я' именно, уара 'ты именно'/ производна, т.е. хронологически вторична по сравнению с функцией простых форм.

В пользу того, что личные местоимения имели первоначальное строение CV говорит форма субъектно-объектных и посессивных префиксов, этимологически восходящих к личным и классным местоимениям в абхазско-адыгских языках. Транспонирование местоимений в глагол и имя, точнее — преобразование местоимений в субъективно-объектные и посессивные префиксы, происходит во всех абхазско-адыгских языках на базе кратких форм местоимений, что может служить опорой для внутренней реконструкции личных местоимений именно в односложной форме, как это представлено в адыгских языках. Отсутствие каких-либо следов полных форм местоимений в составе префиксов, восходящих к личным и классным местоимениям, усиливает положение, согласно которому двусложные формы типа абх., абаз. сара, убых. сыгъуа 'я', абх., абаз. уара, убых. уыгъуа 'ты' не отражают исходного строения, а представляют собою вторичные, производные образования от исходных односложных форм. Принятие этого положения означает, что так называемые краткие формы местоимений являются продолжением первоначального строения разбираемых местоимений.

Для типологического обоснования положения о вторичности двучленного морфологического строения личных местоимений показательны данные других языков. Местоимения, в том числе личные, в языках различных систем обнаруживают типологические сходства. В этом отношении обращает на себя внимание тот факт, что личные местоимения включают конечный сонантический элемент, первоначально не входивший в их состав. В дагестанских языках в личных местоимениях авар., дун, анд. дин, ботл., годоб., карат. ден, арч. зон, будух.,

крыз. зын, агул. зун 'я', авар. мун, анд., ботл., годоб. мин, карат. мен, арч. ун будух., крыз. вын, агул. вун 'ты', элемент -н явно вторичен, что подтверждается его отсутствием в косв. падежах. Ср. авар. им. п. дун, мун, эрг. п. дица, дуца, род п. дир, дур, дат. п. дие, дуге, местн. п. дида, дуда и др. Независимо от того, какую функцию /фонетическую или морфологическую/ диахронически выполнял элемент -н в личных местоимениях 1 - 2-го лица дагестанских языков, его отсутствие в косв. падежах показывает, что он не входил в состав местоименных корней.

В тюркских языках конечный сонант -н в личных местоимениях считается вторичным: \*на → нан → бан 'я', \*св → сән 'ты' /Серебренников, Гаджиева, 1986, 138/. Конечный -н, столь характерный для личных местоимений финно-угорских языков /ср. морд. мон, удм. мон, фин. mina, 'я', морд. тон, фин. sina 'ты'/, также вторичен, т.е. его возводят к указательному местоимению /Майтинская, 1969, 208/. Вообще показателен следующий вывод, вытекающий из типологического анализа личных местоимений: "Так называемые местоименные суффиксы или частицы, входящие в состав личных местоимений во многих языках различных генетических групп и в настоящее время не имеющих никаких самостоятельных функций, первоначально, по-видимому, использовались для усиления или выделения" /Там же, 209/.

Для западнокавказского уровня допустима реконструкция двух типов местоимений - кратких и полных форм, различающихся детерминативным /или выделительным, усилительным/ маркером. Исходные, краткие формы не выражали функций выделения или усиления, а полные формы были оформлены маркером выделения /усиления/ -гъа → -гъуа → -ра → -р. Как отмечалось выше, в общем, немаркированном виде исходные, краткие формы транспонированы в глагол и имя.

В связи с этим возникает вопрос о функции в личных местоимениях адыгских языков элемента -р, встречающегося в ряде словоизменительных и словообразовательных форм типа адыг., каб. сэ-р-ч1э 'мною' уэ-р-ч1э 'тобою', адыг. сэр-сэрэу, каб. сэр-сэрэу 'я сам', сэр дыцэр 'именно я' и др.

элемент -р в подобных формах считается реликтом былого суффикса личных местоимений, сохранившегося в абхазском и абазинском языках. Р.Смеетс видит в формах разбираемого типа две морфемы: дефективный глагольный корень рэ 'быть равным кому-чему-л.' и деривационный суф. -ры /Smeets, 1938/. Элемент -р, бесспорно, одного происхождения с убых. -гъуа и абх.-абаз. -ра в личных и классных местоимениях. Вместе с тем появление -р в адыгских личных местоимениях не следует объяснить как восстанавливающийся реликт.

Элемент -р встречается в редулицированных, предикативных, послеложных и некоторых других формах. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в тех же позициях элемент -р появляется и в других группах местоимений. При этом не вызывает сомнения, что в последних -р является не "восстанавливающимся" элементом, т.е. не отражением -ра, сохранившимся в абхазско-абазинских формах типа сара 'я', уара 'ты', а действующим падежным окончанием; ср. йэзыр-йэзыру 'он сам', ар-шь 'он есть', мор гуэрыр 'и тот', мыр дьдэр 'именно этот'. Никто не сомневается, что -р в приведенных формах — окончание им. падежа, в то время как -р в аналогичных формах сэр-сэрэу 'я сам', сэр-шь 'я есмь', сэр гуэрыр 'и я', сэр дьдэр 'именно я' считается "восстанавливающимся" элементом, т.е. реликтом древнего суффикса, отражающего на адыгской почве форму абх., абаз. -ра в местоимениях сара 'я', уара 'ты'. Между тем во всех приведенных формах -р не только имеет общее происхождение, но и выступает в качестве падежного окончания, т.е. обладает единым статусом.

В формах типа сэр-сэру 'я сам', сэр-шь 'я есмь', сэр гуэрыр 'и я', сэр дьдэр 'именно я', сэр-и 'и я', сэр-члэ 'мною', на наш взгляд, не восстанавливается архаичный местоименный суффикс, как это принято считать в специальной литературе, а появляется окончание им. падежа. Но в отличие от указательных и других разрядов местоимений окончание им. падежа -р в личных местоимениях в кабардинском языке встречается лишь в определенных позициях. В этом отношении /и это следует подчеркнуть/ окончание им. падежа

-р не является исключением: в адыгейском в определенных позициях в тех же личных местоимениях появляется окончание эргатива -шь /-й/, т.е. отмечается определенная закономерность развития парадигмы склонения личных местоимений. Ср. адыг. сэшь пайэ 'для меня', сэшь нахьыжь 'старше меня', уэшь нэпэмыч1 'кроме тебя', уэшь фэдэр 'подобный тебе'.

Характерно, что окончание -р не утвердилось как падежный формант и в других местоимениях. С этой точки зрения показательны данные диалектов, проявляющих особенности в употреблении падежного окончания -р. Так, в бжедугском диалекте определительное местоимение йэжь в им. падеже имеет нулевую форму. Ср. бжедуг. йэжь /темирг. йэжьыр/ 'он сам'. Но в том же диалекте от местоимения йэжь, как и от личных местоимений, тв. падеж может быть образован от им. падежа /Зекох, 1969, 87/. Ср. бжедуг. йэжьыр-джэ 'им самим', сэр-джэ 'мною', уэр-джэ 'тобою'. Очевиден тот факт, что в форме йэжьыр-джэ 'им самим' -р не является отражением абх., абаз. -ра /ср. сара 'я', уара 'ты'/, а восходит к окончанию им. падежа, т.е. тв. падеж образуется от формы им. падежа /по принципу двойной основы/. Было бы также неверным полагать, что в формах типа сэр-джэ 'мною', уэр-джэ 'тобою' окончание -р в отличие от -р в йэжьыр-джэ отражает в форме реликта абх., абаз. -ра в личных местоимениях сара 'я', уара 'ты' и др.

Позиционная обусловленность окончаний -р, -шь /-й/ в личных местоимениях связана с ущербностью, недостаточным развитием их склонения по сравнению с именами существительными и некоторыми разрядами местоимений, в том числе указательных. Процесс втягивания падежных окончаний -р, -шь /-й/ в парадигму склонения личных местоимений является живым и действующим в адыгских языках. Как и в случае с окончанием эргатива -шь /-й/, окончание -р демонстрирует незавершенный процесс становления как падежного форманта в личных местоимениях. Хотя в последних -р появилось еще в эпоху общеадыгского единства, в то время как -шь /-й/ в тех же местоимениях относится к периоду индивидуального развития адыгейского языка, мы здесь имеем дело все же с общей тенденцией втягивания указанных формантов в пара-

дигму склонения личных местоимений.

Итак, изложенное заставляет пересмотреть общепринятый взгляд на историю сложения личных местоимений в абхазско-адыгских языках. Во всяком случае, данные не только внешней, но внутренней и типологической реконструкции дают известные основания усматривать в так называемых кратких формах личных местоимений исходные формы, отражающие наиболее древнее состояние разбираемых местоимений в эпоху западнокавказского языкового единства.

Личные местоимения 1 и 2-го лица, за исключением абх., абаз. бара 'ты /женщина/', во всех западнокавказских языках рассматриваются нами и некоторыми другими исследователями /Deeters, 1955/ как древний пласт лексики, относящийся к эпохе праязыкового единства. Споры вызывает не только относительная хронология абх., абаз. бара 'ты /женщина/', но и отношение адыг. тэ, каб. дэ, убых. шы-гъуз 'мы' к абх., абаз. хьа/ра/ 'мы'. Последнее Ж.Дюмезиль сближает с соответствующими формами в адыгейском, кабардинском и убыхском /Dumezil, 1932, 107-108/, что считают недостаточно убедительным другие авторы. Представляется, однако, не менее сомнительным изолированное положение абх., абаз. хьа/ра/ 'мы' при наличии генетического тождества са/ра/ 'я', уа/ра/ 'ты', шуа/ра/ 'вы' с соответствующими местоимениями в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. Фонетическое соответствие адыг. т, абх. хь находит поддержку. Другой пример, приведенный Ж.Дюмезилем на звукосоответствие /адыг. лэ-ты — \*кылэ-ты 'поднимать вверх', абх. в а-хьа-рак1 'высокий'/, кажется нам вполне убедительным /Там же/.

Что касается классных местоимений типа абх., абаз. бара 'ты /женщина/', лара 'она /женщина/', йара 'он, она, оно /не-женщина/', то в соответствии с тем взглядом на относительную хронологию категории классов в абхазском и абазинском языках, который развивается в этой работе, подобные местоимения не постулируются для общеадыгского языка. Во всяком случае, анализ материала не позволяет реконструировать классных местоимений для общеадыгского хронологического уровня.

## 2. ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Наряду с морфологической категорией посессивности в адыгских /и в других западнокавказских/ языках имеются притяжательные местоимения. Последние чаще всего употребляются в роли предиката, хотя встречаются также в других синтаксических позициях: каб. а уынэр дыдейш 'этот дом наш', дыдей-хэр кълэклуэжаш 'наши приехали', ар дыдей-хэмчлэ арэзыкълым 'он недоволен нашими'.

В адыгских языках различаются следующие притяжательные местоимения: адыг. сэсий/э/, каб. сысей 'мой', адыг. уэ-уый/э/, каб. уууей 'твой', адыг. йый/э/, каб. йэй 'его', адыг. тэтый/э/, каб. дыдей 'наш', адыг. шъуэшъуый/э/, каб. фыфей 'ваш', адыг. йай/э/, каб. йай 'их'.

В некоторых адыгейских диалектах представлены варианты /краткие/ формы притяжательных местоимений 1 - 2-го лица: бжедуг., шапс. сийэ 'мой', уыйэ 'твой', тыйэ 'наш', шъуыйэ 'ваш'. Обе формы — полные и краткие — даются в грамматике Ш.Б.Ногмова, составленной в первой половине XIX в.: сийэ, сэсийэ 'мой', уыйэ, уууыйэ, уэуый 'твой', дыйэ, дэ-дыйэ, дэдый 'наш', фыйэ, фэфый 'ваш' /Ногма, 1959, 68/.

Из двух рассматриваемых вариантов притяжательных местоимений 1 - 2-го лица краткие формы типа сийэ 'мой', уыйэ 'твой' являются исходными. Есть, однако, известные основания полагать, что оба варианта были характерны еще для общеадыгского языка, поскольку во всех современных диалектах и говорах имеются полные формы. Вместе с тем исходные краткие формы притяжательных местоимений /не говоря уже о полных формах более позднего образования/ не находят материальных соответствий в родственных языках, что свидетельствует об их возникновении на адыгской почве.

Краткие формы притяжательных местоимений 1 - 2-го лица образованы на базе сложения соотносительных основ личных местоимений и притяжательного афф. -йэ, в той же функции представленного в именах /Кумахов, 1964, 122-123/: сэ + йэ → сийэ 'мой', уэ + йэ → уыйэ 'твой'. При этом переход э → ы в местоименной основе закономерен; ср. э → ы в пол-



ных формах типа каб. сысей /← сэ + сийэ/ 'мой', уыуей /← уэ + уыйэ/ 'твой'.

Притяжательные местоимения 3-го лица имеют только краткую форму. Адыг. йий/э/, каб. йэй 'его', адыг. йай/э/, каб. йай 'их' состоят /как и краткие формы 1 - 2-го лица/ из двух морфем. Есть основания усматривать в первой части корневые элементы указательных местоимений \*йы 'этот, он', \*йа 'эти, они'; ср. убых. йы-на 'этот, он', йы-лья 'эти, они'. Вторая часть - тот же притяжательный афф. -йэ, что и в кратких формах 1 - 2-го лица.

Полные формы сэсий/э/ 'мой', уэуый/э/ 'твой' и др. образованы от исходных /кратких/ форм в результате вторичных процессов - присоединения к ним личных местоимений. Можно сказать, что в данном случае произошла лексикализация синтагмы "личное местоимение + краткая форма притяжательного местоимения": сэ + сийэ → сэсий/э/ 'мой', уэ + уыйэ → уэуый/э/ 'твой', тэ + тыйэ → тэтыйэ 'нам', шъуэ + шъуыйэ → шъуэшъуый/э/ 'вам'. Тот факт, что полные формы притяжательных местоимений образованы от кратких форм, сложившихся, видимо, задолго до возникновения первых, делает маловероятным рассмотрение сы-, уы-, ты-, шъу- в сэсий/э/ 'мой', уэуый/э/ 'твой', тэтый/э/ 'нам', шъуэшъуый/э/ 'вам' как личных префиксов ряда эргатива или лично-притяжательных префиксов /Рогачева, Керашева, 1966, 89; Шагиров, А-Н, 180/.

Отнесение сы-, уы-, ты-, шъу- в сэсий/э/ 'мой', уэуый/э/ 'твой', тэтый/э/ 'нам', шъуэшъуый/э/ 'вам' к личным или лично-притяжательным префиксам означало бы признание возможности формирования кратких форм сий/э/ 'мой', уый/э/ 'твой', тый/э/ 'нам', шъуый/э/ 'вам' на базе двух аффиксальных морфем: преф. сы- + суф. -йэ → сий/э/, преф. уы- + суф. -йэ → уый/э/ и др.

Как мы отмечали, краткие формы притяжательных местоимений сий/э/ 'мой', уый/э/ 'твой' и др. образованы на базе личных местоимений и суффикса принадлежности -йэ. На более позднем этапе от кратких форм путем вторичного присоединения к ним личных местоимений образованы полные формы: сэ-

сий/э/, уэуый/э/, тэтий/э/, шъуэшъуый/э/. Вообще трудно представить сложение и формирование притяжательных местоимений, т.е. самостоятельных лексем сий/э/ 'мой', уый/э/ 'твой', тый/э/ 'наш', шъуый/э/ 'ваш' на базе двух аффиксальных элементов – личного /или лично-притяжательного/ префикса и собственно притяжательного суф.-йэ. Переход двух аффиксов в самостоятельную лексему /притяжательное местоимение/ маловероятен, так как подобное образование остается уникальным. Все же один из компонентов форм типа сы-й/э/ 'мой' должен быть корневой частью самостоятельно-го слова. Корневой частью мы считаем первый компонент, а аффиксальный характер второй части у нас не вызывает сомнения, хотя по вопросу о статусе -йэ существует несколько иное мнение /Шагиров, 1977, А-Н, 180/.

Современные кабардинские формы сысей /сысэй/ 'мой', ууей /ууэуэй/ 'твой', дыдей /дыдэй/ 'наш', фыфей /фыфэй/ 'ваш' – фонетические видоизменения соответствующих форм сэсийэ /сэсийэ/, уэуыйэ, дэдыйэ, фэфыйэ, засвидетельствованных Ш.Б.Ногмовым в его записях кабардинских текстов и грамматике кабардинского языка. Ногмовские формы по своему строению совпадают с адыгейскими формами сэсий/э/, уэуый/э/, шъуэшъуый/э/, что подтверждает переход э → ы в огласовке первого компонента и, напротив, переход ы → э в огласовке второго компонента современных кабардинских форм. Ногмовские формы свидетельствуют и о том, что на более позднем этапе полные формы сложились на базе кратких форм путем присоединения к ним форм личных местоимений, оказавшихся семантически и грамматически избыточными, поскольку базовая форма содержит указание на лицо и число.

Притяжательные местоимения в абхазско-адыгских языках образованы в период после распада их праязыкового единства. Поэтому для выяснения истории их сложения в каждой подгруппе языков прежде всего важны данные внутренней реконструкции. В убыхском языке функции притяжательных местоимений выражают формы, образованные от корневых элементов личных и указательных местоимений с помощью морфемы -хъ /мн. ч. -хъу, -хъуа/: асыхъ 'это мое', аухъ 'это твое',

йыхъ 'это его' и т.д. В абхазском и абазинском языках притяжательные местоимения включают основу самостоятельного слова -т1уы /абх./, -ч1уы /абаз./ 'собственность': абх. с-т1уы, абаз. с-ч1уы 'мой /мне принадлежащий/', абх. хь-т1уы, абаз. хь-ч1уы 'наш /нам принадлежащий/'; ср. также абх. с-хьа-т1уы 'мой собственный', у-хьа-т1уы 'твой собственный' и т.д. Генетически разные морфемы /адг. -йэ, убых. -хь, абх. -т1уы/, используемые для образования притяжательных местоимений, свидетельствуют о формировании последних в результате независимого развития трех языковых ареалов — адыгского, абхазского /абазинского/ и убыхского.

### 3. УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В адыгских языках различаются три указательных местоимения: мы 'этот', мо, уы, уз 'тот', а 'этот, тот'; формы уы, уз характерны для бжедугского и шапсугского диалектов.

Местоимения мы 'этот', мо, уы, уз 'тот' противопоставляются по признаку близкий — далекий; местоимение а указывает на видимый и близкий или невидимый и далекий, но известный, определенный предмет.

В виде чистой основы, т.е. без падежного и числового оформления указательные местоимения употребляются лишь как препозитивные члены атрибутивных сочетаний: адг., каб. мы тхыльтыр 'эта книга', мы тхыльтхэр 'эти книги', мо тхыльтыр 'та книга', мо тхыльтхэр 'те книги', а тхыльтыр 'эта книга', а тхыльтхэр 'эти книги'.

Указательные местоимения выполняют также функции личных местимений 3-го лица: адг., каб. ар мак1уэ 'он идет', адг. мышь ы1уагъ, каб. мыбы жи1ашъ 'он сказал'.

Указательные местоимения, за исключением формы мо 'тот', восходят к эпохе общеадыгского единства. Форма мо 'тот' — более позднее образование, вытеснившее в большинстве диалектов формы уы, уз 'тот'. Существуют разные взгляды на строение формы мо 'тот'. По Н.Ф.Яковлеву /1948, 292/, мо 'тот' представляет собой "по происхождению префикс, происходит из слияния мэ + уз", причем второй элемент /-уз/

автор возводит к бжедуг., шалс. уз /уы/ 'тот'. Г.В.Рогава /1980, 95/ предполагает, что мо состоит из мы 'этот' + личное местоимение уз 'ты, тебя'.

Не вызывает сомнения, что мо 'тот' является составным. Менее очевидно, однако, его префиксальное происхождение. Как нам кажется, производное местоимение мо 'тот' имеет прозрачное строение: оно состоит из двух общеадыгских местоимений мы + уз. Контаминация двух основ привела к образованию лишь новой формы, так как сохранилась семантика общеадыгского уз 'тот'.

Основа уз, уы 'тот' восходит к западнокавказскому уровню. Ср. убых. уа-на, абх. уи, у-бри, абаз. /апх./ уи, а-уи 'тот' /Dumezil, 1932/. Г.В.Рогава /1956, 59/ сближает уы 'тот' с корнем личного местоимения абх., абаз. уара, убых. уыгъуа, адыг., каб. уз 'ты'.

К западнокавказскому уровню возводится также основа указательного местоимения а 'этот'. Ср. абх., абаз. а-ри, а-бри 'этот', убых., абаз. а — префикс определенности, абх. а — префикс общей /родовой/ формы /Trubetzkoy, 1930, 80; Dumezil, 1932, 34/.

Местоимение мы 'этот' пока не находит надежных соответствий в других абхазско-адыгских языках, хотя одни авторы сопоставляют его с ны — в убых. ныгъа 'там', -ни в абх., абаз. ани, абни 'тот' /Щенгелиа, 1968, 18/, а другие — с -б-, -ба- в абх. абри, абаз. абари 'вот этот' /Халбад, 1975, 86/.

Г.В.Рогава /1980, 96/ рассматривает мы 'этот' в качестве фонетического варианта, возникшего на базе уы 'тот': уы 'этот' → мы 'тот'.

Поскольку в других случаях начальный сонант не изменяется в сонорный м /ср. адыг., каб. уынэ 'дом', адыг. уэсы, каб. уэс 'снег', адыг. уэшьхы, каб. уэшх 'дождь' и др./, переходу местоимения уы 'тот' в местоимение мы 'этот', по мнению Г.В.Рогава, способствовало "частое употребление, особенно в функции определения имен, где оно входит в состав синтагмы — композита, лишившись ударения и падежных окончаний — адыг. мы-цъыфы-р ← \*уы-цъыфы-р 'этот человек',

мы-уыыз-р ← \*уы-уыыз-р 'этот дом' и др. /Там же, 98/.

Нам представляется несколько спорным объяснение происхождения местоимения мы 'этот' в результате перехода начального сонанта у в сонорный м в местоимении уы 'тот'. Оставляя в стороне вопрос о взаимоотношениях мы 'этот' и уы 'тот', отметим, что для нас не вызывает сомнений сложение обоих местоимений в эпоху общеадыгского языкового единства. Отнесению к инновационным явлениям указательного местоимения мы 'этот' препятствует развитие на основе последнего одного из главных падежных формантов — окончания эргатива -м, бесспорно, восходящего в раннему периоду общеадыгского единства. Кроме того, не лишено оснований старое сближение Н.С.Трубецкого мы 'этот' с лакс. табас. му, удин., агул. ме, рут. ми, цах. ма-на /'этот' / Trubetzkoy, 1930, 81/.

#### 4. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

К классу человека относится общеадыгское местоимение хэт 'кто', ко всему остальному — сыд /адыг./, сыт /каб./. Имеются диалектные формы: бжедуг., шапс. шъыд, белс. сти, си 'что', в адыгейских диалектах употребляется также да 'что'. Адыгейские диалектные формы шъыд, да восходят к сыд, кабардинские /бесланевские/ сти, си — к сыт. Из двух адыгских форм сыд, сыт 'что' исходной является сыд 'что'. Отсюда можно сделать вывод, что формы хэт 'кто', сыд 'что' восходят к общеадыгскому состоянию.

По своему строению общеадыгские формы хэт 'кто', сыд 'что' производны. Несостоятельно мнение Н.Ф.Яковлева и Д.М.Ашхамафа /1941, 305/, согласно которому хэт 'кто' представляет собой причастие хэт 'стоящий, находящийся среди чего-то', от основы глаголы хэтын 'стоять среди чего-то'.

Общеадыгские хэт 'кто', сыд 'что' объединяются общностью второго компонента, что предполагает оглушение звонкого д еще в эпоху общеадыгского единства в форме хэт 'кто'. Ср. переход д → т: адыг. 1адэ-уад 'инструменты', букв.

'клещи-молоток' при уатэ 'молоток', 1адэ 'клещи' /Кумахов, 1964, 125/.

Реконструируемый для обоих вопросительных местоимений второй компонент х-д ← х-дэ, по-видимому, генетически связан с послелогом адыг. дэ-й, ды-й, дэ-жь, каб. дэ-й, де-ж 'к, у, возле' и адвербиальным корнем тэ, дэ-нэ 'где'. Семантически рассматриваемый компонент адыгских вопросительных местоимений сближается с абхазско-абазинским вопросительным афф. -да: ср. абх. йзхьуа-да 'кто сказал', иапхьыа-да 'кто прочел', абаз. йуба-да 'кого ты видел'.

Первый член вопросительного местоимения хэ- /хэт 'кто' / обоснованно сближают с убых. шы 'кто' /Шагиров, 1977, II-1, 107/. Элемент сы- /сы-д 'что' / также обнаруживает генетическое тождество с соотносительным убыхским са 'что'. Можно сказать, что генетически корневые элементы вопросительных местоимений восходят к адыгско-убыхскому хронологическому уровню, хотя сложение разбираемых местоимений относится к периоду индивидуального развития общеадыгского и убыхского языков.

Адыг. тара, каб. дара 'который, какой' включает корень вопросительного наречия /адыг. тэ, каб. дэ-нэ 'где' / и падежно-воспросительную форму указательного местоимения ара 'это'. Адыг. сыд фэд, шыьд фэд, каб. сыт хуэдэ 'какой' представляет собой сочетание адыг. сыд, шыьд, каб. сыт 'что' и адыг. фэд, каб. хуэдэ 'подобный, такой'. Адыг. хэт йый, каб. хэт йэй 'чей' /класс человека/, адыг. сыдым йый, шыьдым йый, каб. сытым йэй 'чей' /класс не-человека/ образованы путем присоединения адыг. йый, каб. йэй 'его' к адыг., каб. хэт 'кто', адыг. сыд, шыьд, каб. сыт 'что'. Адыг. тара, каб. дара 'который, какой', адыг. сыд фэд, шыьд фэд, каб. сыт хуэдэ 'какой', адыг. хэт йый, каб. хэт йэй, адыг. сыдым йый, шыьдым йый, каб. сытым йэй 'чей', хотя и прозрачны по своему морфологическому строению, восходят к эпохе общеадыгского единства.

К более поздней эпохе, т.е. к периоду самостоятельного развития адыгских языков относится адыг. тарара, каб. дэ-тхэнэ 'какой, который'. Адыг. тарара состоит из тара + ара,

являясь плеонастической формой от та + ара 'какой, который'. Каб. дэтхэнэ 'какой, который', по мнению Н.Ф.Яковлева, образовано путем инкорпорирования — включением хэт 'кто' в состав дэнэ 'где' /1948, 69/. На наш взгляд, в этом слове первый компонент восходит к адвербиальному корню да-ра 'какой, который' /ср. да-уз 'как, каким образом'/, второй компонент тх- — к вопросительному местоимению хэт /ср. вариант дэтхэнэ ← <sup>х</sup>дэхэтнэ/, а третий компонент -нэ представляет тот же суф. -нэ, что и в каб. дэнэ 'где', /диал./ джыпстунэ 'сейчас' йыуыжынэ 'после, затем',

Форма дэтхэнэра 'какой, который' образована на кабардинской почве из слияния формы им. падежа дэтхэнэр и вопросительно-предикативного местоимения ара? 'это есть?' /дэтхэнэр + ара → дэтхэнэра/; ср. адyg. тэтхэнэрэ в значении 'всякий'.

## 5. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Определительные местоимения развивались на базе различных классов слов, в том числе вопросительных местоимений. Адyg. хэти, хэтрэ, каб. хэти 'всякий, любой, каждый' /класс человека/, адyg. сыди, шъыди, сыдрэ, шъыдрэ, каб. сыти 'всякий, любой, каждый' /класс вещей/, тэтхэнэра 'каждый, любой, всякий' восходят к формам вопросительных местоимений: хэти ← хэт 'кто' + соединительный суф. -и: хэтрэ ← хэт 'кто' + определительный суф. -рэ /ср. адрэ 'другой, тот', непэрэ 'сегодняшний'/, тэтхэнэрэ ← тэтхэнэ /ср. каб. дэтхэнэ 'какой, который'/ + определительный суф. -рэ.

Адyg. йэжэ, каб. йэзы 'сам' включает йэ- + -жэ, -зы. Элемент йэ- трактуют как основу исчезнувшего в адygских языках личного местоимения 3-го лица, но сохранившегося в абх. -абаз. языках йа-ра 'он' /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 358/. Однако представляется малоубедительным существование личных местоимений 3-го лица в истории адygских языков. Более того, есть основания полагать, что "на обще-абхазско-адygском уровне не было местоимений 3-го лица" /Шенгелиа, 1968, 9/. Принятие этого положения означает, что с разби-

раемой точки зрения исходное состояние продолжают убыхский и адыгские языки, использующие указательные местоимения в функции личных местоимений 3-го лица ед. и мн. числа. Во всяком случае реконструкция личных местоимений 3-го лица на общеадыгском уровне наталкивается на серьезные трудности.

Элемент йэ- в йэжь, йэзы 'сам' следует возводить не к основе личного местоимения, а к основе указательного местоимения. Непосредственно йэ- в йэжь, йэзы 'сам' сближается с первой частью /корнем/ йы-на 'этот' в убыхском языке. Другое дело, что рассматриваемый общеадыгско-убыхский дейктический элемент генетически может быть связан с основной абхазско-абазинского классного местоимения 3-го лица йа-ра 'он', восходящего к указательному местоимению.

Что касается второго элемента йэжь, йэзы 'сам', то Н.Ф.Яковлев и Д.М.Ашхамаф /1941, 306/ возводили адыг. -жь к глагольному афф. -жь со значением 'обратно' /к1уэжьын 'идти обратно'/, а каб. -зы Н.Ф.Яковлев /1948, 306/ связывал с числительным зы 'один'. Ж.Дюмезиль /1932, 116/ сопоставляет в адыгейском языке -жь в йэжь 'сам' и с суф. -жьы в прилагательных типа плъыжьы 'красный', фыжьы 'белый', гъуэжьы 'желтый'. А.К.Шагиров /1977, А-Н, 172/ считает возможным развитие адыг. йэжь 'сам' из йэзышь, т.е. формы эрг. падежа от йэзы, рассматриваемого им, вслед за Н.Ф.Яковлевым, как 'он один' /Там же, 173/.

Трудно усмотреть в адыг. -жь и каб. -зы параллельное развитие из разных источников. Неубедительно также мнение о генетической связи адыг. -жь с адъективным суф. -жьы. По-видимому, здесь мы имеем дело все же с общим источником для обоих адыгских языков. Более убедительным представляется сближение -жь, -зы с общеадыгским суффиксом возвратности -зы.

В значении определительных местоимений употребляются также адыг. ышъхьач1э, каб. йышъхьэч1э 'сам лично' /← форма тв. падежа посессивного образования от шъхьэ 'голова'/, адыг. зэч1э 'весь' /← форма тв. падежа от зэ ← зы 'один'/, адыг. шъхьэдж 'каждый' /← шъхьэ 'голова' + суффикс -дж,



-ж/, пэпчъ 'каждый' /← пэ- преверб + -пчъ — основа глагола пчъы-н 'считать'/; адыг. ккъэс, каб. кълэс 'каждый' /← основа глагола ккъэсын, кълэсын 'прибыть сюда'/ и др.

## 6. НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Адыг. гуэрэ, каб. гуэр, адыг. зыгуэрэ, каб. зыгуэр употребляются в значении 'некий, нечто, некто, кто-то, что-то, кто-нибудь, какой-то, какой-нибудь'. Форма гуэрэ, гуэр употребляется в составе определительного сочетания, являясь постпозитивным членом. Ср. адыг. зыгуэрэ-м йэтхы, каб. зыгуэры-м йэтх 'кто-то пишет', но адыг. члалэ гуэрэ 'какой-то юноша', каб. фыз гуэр 'какая-то женщина'. Перед препозитивным /определяемым/ членом факультативно ставится зы 'один': адыг. зы члалэ гуэрэ 'какой-то юноша', букв. 'один юноша какой-то', каб. зы фыз гуэр 'какая-то женщина', букв. 'одна женщина какая-то'.

Форма зыгуэрэ, зыгуэр состоит из зы 'один' + гуэрэ, гуэр; ср. убых. загуара ← за 'один' + гуара. Местоимение гуэрэ, гуэр включает суф. -рэ, -р, генетически связанный с -рэ в местоимениях тэтхэнэ-рэ, хэт-рэ, суд-рэ, шынд-рэ 'всякий, любой, каждый'. Сближение первой части гуэ- с абх., абаз. -к1/ы 'какой-то' /Халбад, 1975, 27/ остается пока проблематичным, хотя и не лишенным оснований.

## 7. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Сложение и формирование местоимений в разные исторические эпохи на базе различных классов слов и форм слов обусловило не только гетероклизию, но и другие особенности словоизменительной системы, отличающие их от других частей речи.

Личные местоимения, как и некоторые группы существительных /имена собственные, многие географические названия и др./, характеризуются ущербной парадигмой склонения: адыг. сэ сэхьы 'я несу что-то', сэ сэк1уэ 'я иду', где местоимение сэ 'я' имеет нулевую форму как при переходном, так и при непереходном глаголе. Личные местоимения в адыгейс-

ком языке обладают следующими падежными формами:

Им.	<u>сэ</u> 'я'	<u>уэ</u> 'ты'	<u>тэ</u> 'мы'	<u>шьуэ</u> 'вы'
Эрг.	<u>сэ</u>	<u>уэ</u>	<u>тэ</u>	<u>шьуэ</u>
Тв.	<u>сэрч1э</u>	<u>уэрч1э</u>	<u>тэрч1э</u>	<u>шьуэрч1э</u>
Обст.	<u>сэрэу</u>	<u>уэрэу</u>	<u>тэрэу</u>	<u>шьуэрэу</u>

По этой модели склоняются личные местоимения в кабардинском языке. Отличие последнего от адыгейского в том, что в кабардинском отсутствует форма на -джэ и вместо огласовки э в обстоятельственном падеже сохраняется исходная огласовка ы в положении перед у /каб. сэрыу→ адыг. сэ-рэу/. Форма на -джэ /сэрджэ, уэрджэ.../ представлена в бжедугском диалекте адыгейского языка.

Выше рассмотрен генезис падежных формантов. Здесь отметим, что приведенная модель склонения не охватывает всех падежных форм личных местоимений. В этой связи следует подчеркнуть, что общепринятое положение, согласно которому в личных местоимениях не реализуется противопоставление им. и эрг. падежей нуждается в уточнении. Это положение имеет ряд исключений, обусловленных наличием падежных аффиксов у личных местоимений в синтаксических позициях номинатива и эргатива.

Так, суф. -р в мыр 'этот', мор 'тот', ар 'этот, тот' в любом синтаксическом окружении считается падежным формантом. Как мы отмечали, суф. -р в сэр 'я', уэр 'ты', дэр 'мы', фэр 'вы' в любом синтаксическом окружении рассматривается не как падежный формант, а как "восстанавливающийся", некогда существовавший в адыгских языках детерминант, восходящий к -ра в абх., абаз. сара 'я', уара 'ты' и др. Между тем случаи полной взаимозаменяемости мыр 'этот' /мор 'тот', ар 'этот, тот'/ и сэр 'я' /уэр 'ты', дэр 'мы', фэр 'вы'/ свидетельствуют о том, что рассматриваемые формы грамматически могут быть однотипными. Иными словами, если -р в мыр 'этот' рассматривать как падежный формант, то -р в сэр 'я' также следует считать падежным формантом. Ср. каб. Сэр дьдэр сок1уэ 'Я сам иду', Ар дьдэр мак1уэ 'Он сам идет', Сэр дьдэм сотх 'Я сам пишу',

Ар дыдэм йэтх 'Он сам пишет'. Как видно, в приведенных конструкциях формант -р в личном и указательном местоимениях несет тождественную функцию, т.е. выступает в одинаковой синтаксической позиции. Ср. также каб. Уэр мыхъуамэ дыкӀуэдат 'Если бы не ты, мы бы пропали'.

Характерно, что в личных местоимениях форма на -р выступает не только в позиции субъекта, но и объекта: каб. Ар сэр шхъэчӀэ макӀуэ 'Он идет для меня', Уэр хуэдэ слъэ-гъуакъӀым 'Подобного тебе я не видел', Дэр папӀшӀэчӀэ зигъэлӀэнушь 'Ради нас умрет'. Падежный характер форманта -р в подобных случаях подтверждается тем, что в адыгейском языке в аналогичных окружениях личные местоимения выступают в форме эргатива: сэшь пайэ 'для меня', уэшь фэдиз 'равный тебе', тэшь фэшьхъаф 'кроме нас', не считая нас' /Кумахов, 1972/. В адыгейских диалектах формант -шь чередуется с -й в личных местоимениях: сэй пай 'ради меня', уэй пэмышӀ 'кроме тебя' и др. Было бы неубедительным полагать, что в конструкции сэшь /сэй/ фэдиз, сэр хуэдиз 'равный мне, как я' в каб. сэр формант -р отражает древний суф. \*-ра, восстанавливающийся в этой конструкции без огласовки, а в адыг. сэшь /сэй/ вместо древнего реликта в этой же конструкции появляется формант эргатива -шь/-й/. Данные внутренней реконструкции показывают, что в рассматриваемой позиции функционально однозначные форманты -р, -шь/-й/ — продукт позднего процесса, относящегося к эпохе индивидуального развития адыгейского и кабардинского языков. Ср. исходный вариант сэ фэдиз, сэ хуэдиз 'равный мне'. В период после распада общеадыгского единства адыгейский язык использовал в этой позиции формант -шь/-й/, а кабардинский — формант -р. Оба форманта несут функции косвенного падежа.

Сказанное, как нам кажется, убеждает в том, что приведенные формы на -шь/-й/ в адыгейском языке — результат втягивания личных местоимений в парадигму склонения по модели указательных местоимений. То же следует сказать о формах личных местоимений на -р в кабардинском языке. Процесс парадигматизации форм на -р, -шь /-й/ в личных мес-

тоимениях отмечается в определенных позициях. Сам же процесс парадигматизации форм личных местоимений на -р, -шь /-й/ протекает неравномерно в адыгских языках. Формы личных местоимений на -шь /-й/ — адыгейская инновация. Формы личных местоимений на -р восходят к разным хронологическим эпохам. Объектные формы в таких позициях, как сэр шьхьэч1э 'ради меня', уэр хуэдиэ 'равный тебе, как ты', дэр нэхьыф1 'лучше нас', где каб. -р соответствует адыг. -шь /-й/, также являются инновацией, возникшей на кабардинской почве. Однако некоторые формы личных местоимений на -р относятся к эпохе общеадыгского языкового единства. К ним относится форма на -р в орудной, обстоятельственной, союзной и предикативной формах: адыг., каб. сэр-ч1э 'мною', адыг. сэр-эу, каб. сэр-у 'как я', адыг., каб. сэр-и 'и я', адыг. сэр-ы, каб. сэр-шь 'я есмь'. Показательно, что даже в тв. падеже /адыг., каб. сэрч1э 'мною', уэрч1э 'тобою' и др./ формант -р в личных местоимениях обнаруживает функциональное тождество с -р в указательных местоимениях. Ср. адыг. арч1э /наряду с ашьч1э/ в тв. падеже /Керашева, 1957, 61/.

Сам факт, что в личных местоимениях процесс стягивания форманта -р в парадигму склонения отмечается в определенных морфологических или синтаксических уровнях, согласуется с типологией становления падежей в языках различных типов.

В целом же личные местоимения относятся к классу слов, обладающих менее развитой системой падежей. Это выражается прежде всего в отсутствии противопоставления номинатива и эргатива как падежей субъекта действия. Однако в отличие от имен собственных и некоторых групп географических названий в личных местоимениях обнаруживаются инновационные явления, обусловленные стягиванием -р, -шь /-й/ в парадигму склонения по аналогии с указательными местоимениями.

Притяжательные местоимения склоняются по модели склонения существительных /нарицательных/, хотя имеют некоторые особенности образования тв. падежа. В отличие от существительных притяжательные местоимения в тв. падеже об-

ладают одной формой, образованной от основы на -м: адыг. уатэч1э /уатэджэ/, каб. уадэч1э 'молотком' /неопред. форма/, адыг. уатэмч1э /уатэмджэ/, каб. уадэмч1э 'молотком' /опред. форма/, но адыг. сэсыйэмч1э /сэсыйэмджэ/, каб. сысыйэмч1э 'моим'. Заметим, что формант -м в форме тв. падежа притяжательных местоимений /в отличие от форманта -м в форме тв. падежа имен существительных/ не несет артиклевой /определятельной/ функции

По модели склонения притяжательных местоимений склоняются определительное местоимение йэжь, йэзы 'сам' и неопределенное местоимение зыгуэрэ, зыгуэр 'некий, некто, кто-то, что-то'. Однако в бжедугском диалекте йэжь 'сам' не различает им. и эрг. падежей, сближаясь в этом отношении с личными и вопросительными местоимениями: бжедуг. Йэжь йэхьы '/Он/ сам несет', Йэжь мак1уэ '/Он/ сам идет'. Отсюда ясно, что формы йэжьыр, йэжьым — адыгейское новообразование.

Характерно, что в кабардинском языке представлены варианты формы эргатива от йэзы 'сам'. Ср. йэзым, йэзбы 'сам' /эрг. падеж/. Форма йэзбы, образованная по аналогии с формой эргатива указательных местоимений, — кабардинская диалектная инновация.

Склонение вопросительных местоимений хэт 'кто', суд, шъуд, сыт 'что' сближается со склонением личных местоимений. Различия между вопросительными и личными местоимениями в склонении отмечается в форме образования тв. падежа. Ср. адыг. хэтч1э, хэтджэ, каб. хэтч1э 'кем', адыг. судч1э, судджэ, каб. сытч1э 'чем', где падежный формант -ч1э /бжедуг. -джэ/ присоединяется непосредственно к основе вопросительного местоимения. Кроме того, в позиции эргатива возможно оформление вопросительных местоимений специальным падежным аффиксом: каб. Сыт ар зышэр? — Ар сытым йышэрэ? букв. 'Что его везет?', адыг. Хэты ыжъуэрэ ч1ыгуыр 'Кто пашет землю', Сыдым ккыгъэнэфырэ уынэр? 'Что освещает комнату?' /Зекох, 1969, 106/. Подобные формы свидетельствуют о тенденции к противопоставлению номинатива и эргатива в вопросительных местоимениях.

Значительным своеобразием склонения отличаются указательные местоимения:

	адыг.	каб.	адыг.	каб.
Им.	<u>ар</u> 'он'	<u>ар</u>	<u>ахэр</u> 'они' <u>ахэр</u>	
Эрг.	<u>ашь</u>	<u>абы</u>	<u>ахэм</u>	<u>абыхэм</u>
Тв.	<u>ашьч1э</u>	<u>абыч1э</u>	<u>ахэмч1э</u>	<u>абыхэмч1э</u>
Обст.	<u>арэу</u>	<u>арыу</u>	<u>ахэрэу</u>	<u>ахэрыу</u>

Главные различия между адыгскими языками отмечаются в оформлении эрг. и тв. падежей. Эргатив ед. числа в адыгейском языке оформляется формантом -шь /-й/, в кабардинском — формантом -бы. Специалисты по-разному объясняют соотношения формантов -шь, -й, -бы.

По мнению Г.В.Рогова, абхазско-адыгские языки прошли период, когда в них имена не изменялись по падежам, а указательные местоимения оформлялись суффиксами эргатива /1964, 241-242/. В соответствии с этим элементы -н, -б /-ы/ в абхазских /и абазинских/ указательных местоимениях /аб-ри, абни, уыбри/ рассматриваются как пережитки формантов эргатива, а в убыхских и кабардинских указательных местоимениях /убых. йынан, каб. абы 'этот', убых. уанан, каб. мобы 'тот' / — как действующие форманты эргатива /Там же/. Автор сближает формант эргатива -шь в адыгейских указательных местоимениях с абх. -с в наречии абас 'так', адыг. -шь в чэшьы 'ночь', неушь 'завтра' с преф. шыы в шыы-сшыагъ 'я там продал', а из двух адыгейских вариантов -шь, -й /ашь, мышь, мый и др./ исходным считает первый /ашь → ай, мышь → мый/. Н.Ф.Яковлев и Д.А.Апхамаф /1941, 117/ возводили каб. -бы в указательных местоимениях абы, мыбы, мобы и бэ в наречиях типа адыг. непэ, каб. нобэ 'сегодня', адыг. нычэпэ, каб. ныжэбэ 'сегодняшней ночью' к одному источнику.

Трудно предположить, что форманты эргатива -бы в указательных местоимениях и -м в именах — аффиксы разного происхождения. Судя по всему, здесь мы имеем дело с фонетическими вариантами одного и того же форманта эрг. падежа. При этом исходным, по-видимому, является вариант -м /Шагиров, 1977, А-Н, 270/; для м : б ср. каб. лит. ма-хъсымэ, диал. бахъсымэ 'буза' /тат. максым, максыма 'брат-га'/, каб. лит. муслъымэн, диал. буслъымэн 'мусульманин',

/араб. *muslim*, тур. *müslim* 'мусульманин'/, абх. абни, амни 'тот'. В этой связи интересен тот факт, что в кабардинских говорах встречаются случаи оформления указательного местоимения а в эргативе афф. -м. Ср. в терских говорах ам 'этот' /Куашева, 1969, 140/. Нет уверенности в том, что ам 'этот' — диалектная инновация, а не сохранение древнего оформления эргатива в указательных местоимениях. Реконструкция форм типа \*ам 'этот' поддерживается строением эргатива мн.числа тех же указательных местоимений; ср. адыг., каб. ахэм 'эти, они', мышэм 'эти', мохэм 'те'.

В отношении адыг. -й, -шь есть известные основания считать, что -й восходит к притяжательному преф. -й/э/ 'его', как это отмечается в местоимениях типа сий/э/ 'мой', уйй/э/ 'твой', послелогах дэй/э/, дуй 'возле, около', пай/э/ 'для, ради' и т.д. Если это так, то вариант -шь следует признать не исходным, а вторичным, т.е. полученным из -й. Ср. переход й /по происхождению тот же элемент -й, что и в ай, мый, мой/ в шипящий спираント: адыг. дэ-йэ → дэ-жь — послелог в значении 'около, возле, у, к'.

В кабардинских диалектах и разговорной речи употребляется также инновационная форма эргатива ед. числа абым 'этот, он', мыбым 'этот', мобым 'тот', образованная по принципу двойной основы: она включает формант эргатива указательных местоимений -бы и формант эргатива имен существительных -м.

Эргатив мн. числа указательных местоимений представлен разными формами. В диалектах и говорах кабардинского языка встречаются варианты формы а-хэ-м, а-бы-хэ-м 'эти, они', мы-хэ-м, мы-бы-хэ-м 'эти', мо-хэ-м, мо-бы-хэ-м 'те'. Формы типа а-хэ-м, образованные непосредственно от основы указательного местоимения, включают формант мн.ч. -хэ и формант эргатива -м. Формы типа а-бы-хэ-м базируются на основе эргатива ед.числа, т.е. образованы по модели двойной основы.

Весьма разнообразны формы эргатива мн.числа в адыгейском языке. Даже в письменно-литературном языке встречаются варианты формы а-хэ-м, а-хэ-мэ 'эти, они', мы-хэ-м,

мы-хэ-мэ 'эти', мо-хэ-м, мо-хэ-мэ 'те'. В диалектах же варьирование форм эргатива мн. числа еще более многообразно. Так, в шапсугском диалекте встречаются формы а-хэ-м, а-хэ-мэ, а-р-хэ-мэ, а-шь-мэ, а-шь-хэ-мэ 'эти, они', мы-хэ-м, мы-хэ-мэ, мы-р-хэ-мэ, мы-р-хэ-м, мы-шь-мэ, мы-шь-хэ-мэ 'эти', уы-хэ-мэ, уы-р-хэ-мэ, уы-р-хэ-м, уы-шь-хэ-мэ 'те' /Керашева, 1957/. Как видно, диалектные формы образуются не только от основы эргатива ед. числа, но и от основы номинатива ед. числа: формы а-р-хэ-м, а-р-хэ-мэ, уы-р-хэ-м построены на основе им. падежа ед. числа.

Формы, образованные от основ как эргативного, так и именительного падежей, следует считать вторичными, хотя в общеадыгском языке допустимо варьирование формы эргатива мн. числа указательного местоимения. Исходными, очевидно, являются формы типа а-хэ-мэ, мы-хэ-мэ, уы-хэ-мэ, т.е. варианты, образованные непосредственно от корневых элементов указательных местоимений с помощью суффикса мн. числа -хэ и общеадыгского форманта эргатива -мэ. В пользу этого говорит не только явный инновационный характер вариантов, образованных от основы именительного падежа /а-р-хэм а-р-хэ-мэ и др./, но и отсутствие в некоторых говорах форм, построенных на основе эргатива ед. числа. Ср. в малкинском говоре формы типа ахэр, мышэр, мохэр /Шагиров, 1969, 303/.